

Сергеи Назипович Гавров

Межкультурное взаимодействие и национальная идентичность

Диалог культур в той или иной форме существовал практически всегда, его истоки уходят в доисторическое прошлое человечества. Были периоды более активного взаимодействия, вошедшие в учебники истории, например в период Великого переселения народов, территориальной экспансии Римской империи, Крестовых походов, Великих географических открытий, распространения мировых религий.

Всегда было распространение технологических новшеств, от лука и колеса до все более эффективных видов оружия и орудий труда, позднее военных и гражданских технологий. Всегда были те или иные виды товарного обмена, была торговля с соседями ближними и дальними, наконец, были военные действия против них. Вооруженные столкновения, войны были древнейшей формой межкультурного взаимодействия. Посредством этих разнородных процессов и событий и происходил диалог культур в течение многих тысячелетий.

Были в истории и периоды менее активного диалога культур, но он не прекращался практически никогда. Были территории и эпохи, менее подверженные культурному обмену по воле природно-географических условий или сознательному решению властителей,

использовавших элементы политики культурного изоляционизма. Из недавнего прошлого можно вспомнить пример ограничения распространения информации, товаров, перемещения людей, получивший название «железный занавес» между странами Варшавского договора и НАТО.

Европейцы пришли на Восток в эпоху колониализма. Эти во многом трагические страницы истории человечества вместили в себя насилие и убийства по отношению к местному населению со стороны колонизаторов и масштабное национально-освободительное движение, приведшее к крушению в XX веке системы колониализма и образованию на месте колоний новых независимых государств.

Запад, прежде всего Великобритания, буквально взломал Восток в эпоху колониализма, на штыках своих солдат принеся в этот регион планеты свои правила игры, элементы экономики капитализма, навыки управления, военного дела, образования и архитектуры. Запад второй раз после Крестовых походов, только несравнимо более масштабно, открыл для себя Восток, а Восток открыл пришедший к нему Запад.

Если взглянуть на исторические процессы эпохи колониализма из дня сегодняшнего, то очевидно, что наиболее успешный по своим долговременным последствиям диалог культур наблюдался там, где европейские нововведения накладывались на традиционные структуры, а их взаимодействие рождало новые культурные формы.

Например, в Индии административная колониальная система надстраивалась над существующей традиционной системой, т.е. общество сохраняло свою социальную структуру, сложившуюся систему отношений и институтов. Британскую колониальную власть возглавлял генерал-губернатор, но и махараджи и набобы сохраняли власть в своих традиционных владениях.

Колониальные власти Великобритании были заинтересованы в использовании местного населения в управленческой и военной сферах. Индия обладала громадной территорией, существенно

превышавшей собственно английскую, и куда более сложной социальной и административно-территориальной структурой. Достаточно вспомнить, что страна состояла из 565 княжеств, как индусских, так и мусульманских. Англичане столкнулись в Индии с проблемой управления, попытавшись разрешить ее при помощи созданного в конце XIX века специализированного аппарата управления – «Индиан Сивил Сервис», большинство чиновников которого было набрано из местных жителей. Иными словами, эта административная система колониального управления, по сути, готовила управленческие кадры для новой, независимой Индии. Именно воздействие англичан ускорило процесс формирования хиндустанского этноса, ставшего прообразом индийской нации.

Новым мощным толчком к изменению облика мира, местом очередной встречи Запада и Востока стала Вторая мировая война в Азии. Азия в течение тысячелетий выступала в качестве самостоятельного, альтернативного Западу религиозного, экономического и культурного центра, поскольку смысложизненные представления и экономические, политические практики местного населения опирались на свои, отличные от Запада, религиозные, экономические, социокультурные традиции.

Высадка американской армии в Японии и японских колониальных владениях в Юго-Восточной Азии, распространение в этом регионе американских военных баз, последовавшее за этим распространение западных технологий и развитие внешней торговли включило Азию в мировую систему капитализма. Американское военное присутствие в значительной степени заместило постепенный уход Великобритании, сохранило западное влияние по окончании эпохи колониализма и распада колониальных империй.

Европейцы принесли жителям колоний, всему незападному человечеству представление об огромном мире, центры военной силы и культурного притяжения которого находятся на Западе, в Лондоне, Париже, Мадриде. Колониальная система оказалась именно

системой, где колонии обменивались с метрополией не только материальными ресурсами, но и людьми.

Запад в эпоху колониализма пришел на Восток, сегодня Восток приходит на Запад, жители колоний эмигрируют в бывшие метрополии. Начало этому процессу положили сами европейцы, привлекая в колониальный аппарат и вооруженные силы жителей колоний, они же вестернизировали местные элиты. Центрами культурного притяжения и эмиграции для этих людей стали ведущие европейские столицы, прежде всего Лондон. Процесс нового «великого переселения народов» набирает силу, «старая Европа» и США становятся все более мультиэтничными.

Как правило, человек начинает задумываться о том, кто он, о нормах и правилах, задаваемых собственной культурой, тогда, когда встречается с людьми, воспитанными в рамках иной, особенно некомплементарной культуры, воспринимаемой как «чужая».

Здесь возможно множество индивидуальных поведенческих реакций, расположенных в диапазоне от полного отторжения, что случается чаще, до полного принятия, интериоризации иных социокультурных норм, выбора новой культурной идентичности.

Как известно, существуют определенные условия изменения старой и формирования новой культурной идентичности. Когда по воле исторических процессов или по собственной воле человек погружается в инокультурную среду, перед ним встает вопрос о собственной идентичности, о том, кто «мы» и кто «они». Положение людей, воспитанных, или, как сейчас принято говорить, прошедших процесс социализации и инкультурации в рамках одной культурной реальности и в течение жизни оказавшихся в иной реальности, подчас переживается как личная драма.

Итак, человек попадает в зону культурной, языковой бифуркации, создаваемой конфликтом прежнего жизненного опыта, в том числе языка, усвоенных норм и ценностей своей культурной среды, и новым социокультурным окружением. Возникает проблема выбора

собственной культурной идентичности, человек вынужден самоопределяться, пытаться ответить на вопрос – кто я? Зона бифуркации – это зона смысложизненных поисков, поведенческих экспериментов, возможность выбора, возможность пробовать и ошибаться. В любом случае, это зона большей свободы, выхода за пределы налаженной жизни, задаваемой автоматизмом поведенческих реакций в соответствии с усвоенными нормами и ценностями культурной среды, данной человеку при рождении.

Мы знаем, что поиск новой культурной идентичности при вольном или невольном погружении в новую среду явление давно и хорошо изученное. Процессы аккультурации на протяжении длительного времени изучались известными антропологами, социологами, психологами как в среде вынужденных беженцев и переселенцев, так и добровольных мигрантов.

Еще раз подчеркнем, что Запад становится все более мультиэтничным, его культура более адекватно описывается в терминах мультикультурализма. Мы знаем, что самой простой, древней, социобиологической реакцией на «чужих», то есть людей иных культур, является реакция отторжения. Не случайно сегодняшняя плотность информационных, товарных потоков, интенсивность перемещения людей, как в рамках эмиграции, так и индустрии туризма, вызывает не только позитивную реакцию этнических европейцев. Ответом глобализму служит ренессанс национализма. В качестве примера можно вспомнить электоральный успех Национальный фронт Ле Пена во Франции.

Но это скорее арьергардные бои уходящей с исторической сцены европейской цивилизации. Прогнозы демографов на середину века показывают неизбежность растворения «старых» европейцев в океане незападного человечества. (Так, по данным прогнозных оценок, в 2050 году список самых населённых стран. Планеты изменится следующим образом (в миллионах человек): Индия – 1529; Китай – 1478; США – 349; Пакистан – 346; Индонезия – 312;

Бразилия – 244; Нигерия – 244; Бангладеш – 213; Эфиопия – 170; Конго (Демократическая Республика) – 160; Мексика – 147; Филиппины – 131; Вьетнам – 127; Россия – 122; Иран – 115; Египет – 115; Япония – 105; Турция – 101). [Галецкий, 2002: 322]

Согласно прогнозам, по потенциалу роста населения по отдельным регионам и в целом по планете, его численность должна достичь исторического максимума к концу XX века, после чего начнется длительный исторический процесс депопуляции человечества. Рост народонаселения в течение всего этого периода будет достигаться за счет развивающихся стран, с их более низким уровнем доходов на душу населения, образования, медицинского обслуживания, неравноправным положением женщины, т. е. развивающиеся страны в течение некоторого времени будут продолжать следовать своим социокультурным традициям. В северных регионах Земли уже сегодня превалирует и в течение этого столетия окончательно утвердится совершенно иная модель человеческого воспроизводства, предполагающая нуклеарную семью с одним ребенком, что не обеспечивает простого количественного воспроизводства населения.

В наступившем XXI веке незападные общества обладают громадным демографическим потенциалом, представляя собой массу людей, обуреваемых материальными соблазнами, воспринявших достижительную модернистскую мотивацию, динамичных, но в массе своей по вполне объективным причинам не могущим получить того, что внутренне воспринимается ими как необходимое для достойной, модернистской жизни, успешной реализации личностного жизненного проекта. Разница демографических потенциалов создает угрозу конфликта по линии Север—Юг, а в более отдаленной исторической перспективе становится вполне реальной угрозой растворения западного, модернистского, фаустовского человечества в океане более инертного незападного большинства.

Процессы глобализации способствуют созданию своеобразных групп поддержки, неофитов Запада, воспринявших не только его

институциональную среду, но и часть ценностей, организацию повседневной жизни, модели поведения. Именно эта, наиболее вестернизированная часть западного мира становится шансом западной цивилизации сохранить культурную преемственность при изменении этнического, расового соотношения между различными частями человечества. Здесь уместно провести историческую аналогию между Древней Грецией и Римом, когда процесс культурной экспансии привел к восприятию культурной греческой традиции как общей традиции античности. Нечто подобное на новом витке исторического развития вполне может произойти и в отношении модернистской западной социокультурной традиции и в этом, по всей вероятности, и заключается историческая миссия глобализации.

Но демографические процессы здесь лишь следствие, причина в усталости Запада, потере витальных сил, накопленных во времена Античности и Средневековья. Люди Запада долго сжигали накопленную тогда энергию жизни, подчинив ее разуму, они забыли старых богов Античности и, в конце концов, сами «убили» нового Бога.

Это убийство, известное как процесс секуляризации западного общества и культуры, заняло несколько столетий, в нем участвовали многие, в том числе Вольтер, энциклопедисты, философские школы, сама западная наука, отказавшаяся от концепции божьего присутствия в мире как излишней. Ближе к концу XIX века Ф. Ницше провозгласил смерть христианского бога, а О. Шпенглер констатировал «Закат Европы».

Теперь европейцы умирают сами. Умирают не столько от болезней, сколько от потери жизненного смысла, а деньги, и сколь угодно высокий уровень материального комфорта сами по себе таким смыслом быть не могут. Люди на Западе ищут нового смысла жизни, то, за что можно зацепиться, на чем можно сохранить себя, сохранить свою жизнь, придать ей смысл. Мы наблюдаем возрастающий

интерес к западным религиям, проявляющийся, в своем высшем выражении, в ежегодном принятии ислама, буддизма, индуизма десятками тысяч этнических европейцев.

Человеку свойственно отождествлять себя с чем-то более устойчивым, длительным и фундаментальным, чем конечная человеческая жизнь, ему присуща тяга к солидарности, групповой идентичности. Стремление к трансвременной культурной идентичности вплоть до начала Нового времени в Европе выражалось в религиозных чувствах, в каком-то смысле дающих иллюзию личного бессмертия.

В Европе Нового времени произошло радикальное изменение отношения к человеческой личности. Социогенез этого процесса был обусловлен трансформациями, происходившими в позднее Средневековье, когда в обществе наметились инновационные процессы, выходящие за рамки, обусловленные социокультурной традицией. Средневековое общество в Европе ограничивало возможность индивидуального выбора, человек ощущал себя членом определенной социальной группы, прихожанином церковного прихода, исполнял определенную гендерную роль, и процесс самоотождествления с определенной коллективной идентичностью был достаточно линейен, предзадан, аскриптивен.

В процессе формирования общества модерности постепенно получала легитимизацию личность нового типа. Индивидуальность, независимость личности от коллектива (общины), получили теоретическое обоснование, актуализировавшись в моральных, эстетических и философских концепциях. Статус человека теряет социальную предзаданность, у личности появляется возможность встраиваться в различные социальные страты, субкультуры, то есть появляется возможность осуществления личной, индивидуальной биографии. Невиданная на более ранних отрезках исторической динамики свобода личностного самоосуществления, самотворения

привела к еще большей свободе самоотождествления, которое также потеряло аскриптивный статус.

Поль Сартр говорил о том, что в современную эпоху недостаточно просто родиться буржуа, нужно прожить жизнь, как подобает буржуа, что было совершенно невысказуемо в эпоху Средневековья. Модернити заменяет предопределенность социального положения принудительным и обязательным самоопределением [Бауман, 2002]. Социокультурная традиция начинает в меньшей мере влиять на процесс стереотипизации переживаемого опыта, ускорение динамических процессов сопровождается потоком инноваций. Человек Нового времени живет в обществе риска. Впервые в человеческой истории личность обращается к возможности рационального выбора различных открытых для нее возможностей действия.

С началом Нового времени религиозная коллективная идентичность ослабла, роль замещения божественного дискурса во многом начинает играть национальная идентичность. Человек модерна пытается в рамках личной биографии разрешить трагическое противоречие между потенцией индивидуального разума и конечностью физического существования. В качестве паллиатива для решения этой задачи вполне подходят различные трансвременные сущности, в большей или меньшей степени устойчивые к течению времени в сравнении с индивидуальной продолжительностью человеческой жизни.

Человек стал отождествлять себя с нацией как трансвременной сущностью, которая отчасти удовлетворяла тягу к бессмертию, происходил процесс «десакрализации» мира, замещения религиозного чувства национальным. В более поздний период начался процесс самоидентификации человека с различными идеологиями.

Характерная для модерна интенсивность социокультурной динамики приводит к уменьшению онтологической стабильности.

Сегодня, в период позднего модерна, динамичных глобализационных процессов, скорость динамических процессов во многом приближаясь к пороговым адаптационным возможностям человека, когда нет ничего постоянного, когда риск приобретает системный характер, нарушается последовательность, единство жизненного мира. Национальная, идеологическая (партийная) идентичность постепенно дополняется и замещается новыми формами, на ее замещение оказывают серьезное влияние процессы ограничения полноты геополитического, экономического, культурного суверенитета национального государства.

Новые формы идентичности во многом формируются под воздействием транснациональной (глобальной) массовой культуры. Идентичность выходит за рамки национальных границ, стремление к личностному бессмертию находит свое выражение в формах гетерогенной солидарности. Как заметил Ф. Гиренко: «В соответствии с законами индивидуализации каждый желает получить свою порцию субъективности (национальной, языковой и т. д.). Каждый хочет отныне иметь свою память, а не универсальную; свой рассудок, а не машинный; свою фантазию, а не то, что выработано в недрах безликих редакций и мозговых трестов сознательными машинами. Но как найти (и понять) что-то свое, если оно все время распадается на что-то чужое... субъективность отделилась от человека и прижалась к машине, которая производит образы. Субъективность стала слишком серийной» [Савицкая, 2002: 79]. Самоидентификация становится «модульной», обретается иллюзия приобщения и выбора к многочисленным трансвременным формам потребительской общности, условно говоря, «кока-кола» как напиток и как бренд существовали до нас и вряд ли на нас закончатся. Сегодня формы социальной престижности, референтные модели поведения, нормы и ценности моделируются и транслируются в рамках складывающегося глобального информационного и культурного пространства. Появилась

возможность отождествлять себя с транскультурными проявлениями социальной солидарности.

Сегодня вертикально интегрированные, институционализированные формы социальности дополняются и замещаются ее сетевыми формами. Человек эпохи позднего модерна может отождествлять себя с транснациональными движениями, субкультурами, группами потребителей определенных марок (брендов) товаров и услуг, референтность которых утверждается и воспроизводится в этом качестве средствами массовой информации, прежде всего в их электронной форме. Тенденция к диверсификации, большей вариативности личностного самоотожествления не линейна, поскольку наблюдается и влияние прямо противоположной тенденции, заключающейся в уплощении личности и культуры под воздействием растущей технологизации и стандартизации практик повседневного существования.

Даже если поиски новой идентичности не выражаются в осознанных религиозных поисках, европеец ищет идеологической, смысложизненной альтернативы западной, протестантской в своей основе культуре сдержанности, рациональности, труда как высшей жизненной ценности. Отсюда все более острый интерес к незападным формам культуры, в том числе этнической музыке и моде, восточным наркотическим средствам.

Сегодня часть этнических европейцев пытается выбрать новую идентичность без смены среды повседневного обитания, вне процессов, связанных с эмиграцией, физическим перемещением людей по планете. Эти люди пока в меньшинстве, но именно они творят историю, на практике своей жизни осуществляя пилотный проект остернизации Запада. Как мы уже заметили, Восток приходит на Запад не только посредством миграции людей, а следовательно, культуры и религии, но и путем постепенного «овосточивания» самих европейцев, все более интенсивных поисков новой культурной идентичности.

- [1] Słomski, W. 2004. *In a search for quantum theory of mind*, London.
- [2] Бауман, З. 2002. *Индивидуализированное общество*/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос.
- [3] Галецкий, В.Ф. 2002. *Население и глобализация*, Н.М. Римашевская, В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников и др. М.: Наука.
- [4] Голось, М. 2008. *Громадянські добродійства*, в: Сучасна сім'я і проблеми сімейного виховання, Могилев.
- [5] Голось, М. 2008. *Шлях до рівності жінки в Європейському Союзі*, в: *Молодіжна політика: проблеми і перспективи*, Львів-Дрогобич.
- [6] Савицкая, Т.Е. 2002. *Постсовременный мир: изменение культурной парадигмы*, in: *Глобальное сообщество: картография постсовременного мира* / Рук. проекта, сост. и отв. ред. А.И. Неклесса и др. М.: Вост. лит.
- [7] Сломский, В. 2003. *Філософія в житті*, Lviv.